

"Демон" Врубеля

Из Киева в Одессу он отправился дневным поездом. Соседи по жесткому вагону обратили внимание на то, что светловолосый мужчина лет тридцати в сюртуке с медными пуговицами не только не разговорчив, но и малоподвижен — до вечера сидел, сторбившись, у окна, от чая и расстегаев отказался, а когда все, поужинав, стали устраиваться на ночь, он так и продолжал сидеть, склонив голову к стеклу, похожий на встревоженную чем-то птицу. Глубокой ночью, когда все уже спали, он достал из парусинового саквояжа нож и вышел в тамбур. В черных ночных тамбурных дверях своего отражения он не увидел, расстегнул сюртук и с единственным вопросом к себе: "Достанет ли лезвие до сердца?" — зажав ручку ножа в двух руках, ударил себя в грудь...

Он осознавал всю банальность того, что он сделал: несчастная любовь и, разумеется, самоубийство... Но столько всего накопилось за последние киевские годы! Он одержимо, каторжно работал. В Кирилловской церкви восстановил семьсот пятьдесят квадратных метров фресок, что и целой артели художников было бы не под силу. Он написал иконостас с центральной фигурой Богородицы. И каждый день делал десятки набросков, этюдов, эскизов. Их персонажем было одно, до умопомрачения тревожащее его лицо — лицо Эммы, как он ее называл. Она была женой киевского искусствоведа Прахова, который и пригласил его, выпускника Академии Михаила Врубеля, расписывать церковь в Кириллове.

В этой женщине, далеко не красавице, его задевало все: грудной голос, медлительность, вкрадчивость речи и жестов и, главное, такая способность молча, не произнося ни единого слова, разговаривать с ним! Он рисовал ее постоянно. И приносил рисунки ей в подарок. Она отрицательно качала головой и возвращала свои портреты ему. "Вам не нравится?" — спрашивал он. Она тихо отвечала: "Эти портреты слишком хороши, чтобы быть подарком"... "Вы не возьмете?!" — спрашивал он, и в очередной раз поняв, что она портретов не примет, считая их драгоценными, уходил и уничтожал их. Через день-другой все это повторялось.

Эммы нежно, задушевно, как никто ценила его работы, но с самим Михаилом была холодна. Она ценила в нем Божий дар, а не его самого. На киевских балах она и не замечала его! Поэтому иногда в каком-то отупении он раскрашивал свое лицо зеленой и желтой краской и шел по киевским улицам к ее дому, к ней, не обращая внимания на удивление и вос-

клицания пораженных его видом знакомых и прохожих. Когда он с размаляванным лицом паяца входил в ее гостиную, она извинялась перед присутствующими, брала его за руку и вела в ванную комнату смывать с его лица эти странные свидетельства любви...

Но дальше — больше. Его любовь была слепа и безудержна. Его отправили в заветную колыбель искусств, в Италию, где он так мечтал побывать! Там его ждала титаническая долгая работа с цинковыми пластинами. Он сделал ее в неделю и бросился назад, к Эмми, так и не разглядев толком колыбель искусств. По Киеву поползли слухи, что он в который раз заново переписывает лицо Богоматери в Кирилловской церкви, и оно все больше становится похожим на лицо Эмми — Эмилии Львовны Пряховой, дамы замужней и довольно известной.

Тридцатилетний Миша вообще позволял себе вещи уж очень странные. Чтобы вызвать сострадание, вдруг объявил о кончине своего отца. Тут же Михаила собрали в дорогу, дали денег и отправили на похороны... а через неделю его папаша полковник здоровым и невредимым приехал в Киев, разыскивал сына, который совершенно не помнил о своей странной выходке! Последнее объяснение Эмми и Михаила было не столько бурным, сколько тягостным. Она, по своему обыкновению, молчала. Он окончательно осознал, что жизнь его кончена, судьба загублена, он бросился на вокзал и купил билет на Одессу, в вагон, в котором он решил покончить с собой.

С Южной Пальмирой его связывало многое. Она стала той мощной путеводной пружиной, которая, выпрямляясь, привела его в Академию художеств. Четырнадцатилетним подростком он приехал сюда с отцом, военным юристом. Жили они на Софиевской. Он учился в Первой Ришельевской гимназии, которую окончил через четыре года с золотой медалью. Занимался в школе рисования Общества изящных искусств. В Одессе, в магазине Шмидта, была выставлена на продажу его копия картины Гильдербранта "Восход солнца". Стоила она двадцать пять рублей. Он входил в артистический круг, распивал чай с импрессарио французской труппы Келлер, делал зарисовки актеров акварелью. Писал маслом, и всех восхищали его карандашные фантазии. Здесь формировался его противоречивый характер: он был трудолюбив, изучал восемь языков, писал трактаты об искусстве Средневековья и клял себя за леность. Он был замкнут, его прозвище в Одессе было Философ, но временами он был душевно общителен, влюбчив, считался кумиром многих сверстниц, но жизнь своего внутреннего мира он не доверял никому. Его максимализм сочетался с изящной кротостью.

Сюда, в город своей юности, он и уехал после разрыва (последнего ли?) с предметом своей страсти. Убить себя в поезде ему не удалось. Нож в дрогнувших руках скользнул по груди, глубоко ее ранив. Заметим, что эта попытка была не первой.

В это время его отец в Одессе не жил, но по старой памяти Михаил поселился на Софиевской, в доме 18, в десятой квартире. Здесь его душевный кризис вдруг воплотился в рисунке — это был первый набросок головы Демона. Образ Демона явился ему как антитеза ангельскому лику Богоматери, антитеза, которая будет сопровождать его до конца дней. Когда рана на груди зажила, он писал своей сестре: "Настроение мое переменное, но думаю сладить с собой, основательно промуштровав себя на эту-дах. А главное, все кругом твердят: "Довольно обещаний, пора исполнению. Пора, пора...". Надо было на что-то жить. Ему предложили в одесской школе рисования давать уроки за семьдесят пять рублей в месяц. Он было взялся, но не выдержал, все бросил, помчался в Киев, благо муж его богини надолго уехал. Но увы, демоническая антитеза преследовала его и в реальности.

Потом была Москва, Абрамцево, нашумевшая выставка "Мира искусств", дружба с меценатами Морозовым и Мамонтовым, женитьба на оперной певице Забелле... Он выздоровел от любви к своему ангелу, который порой являлся ему Демоном. С Мамонтовым он возвращался из Италии и писал сестре: "1894. Март. Завтра мы отправляемся морем в Неаполь, оттуда через Бриндизи и Пирей, Афины и Константинополь в Одессу (где я увижу наших)". В Одессе к этому времени окончательно поселился отец, родственники. Нахлынули воспоминания, девяти прожитых с киевских времен лет будто и не было, говорили об опере Рубинштейна "Демон", в которой в то время блистал вовсе не Шаляпин, а киевский певец Тартаков... И Врубель неожиданно для всех, да и для себя, брался за глину и лепил своего нового одесского Демона...

Друг Врубеля художник Константин Коровин писал в мемуарах об их встрече в имении Трифановского: "Было лето. Жарко. Мы пошли купаться на большой пруд в саду. Михаил Александрович, обнаженный, был хорошо сложен, и крепкие мускулы этого небольшого, даже маленького роста человека делали его красивым. "Это жокей", — подумал я, а он неожиданно спросил: "Вы хорошо ездите верхом? Я езжу, как жокей". Я испугался: он как будто читал мои мысли! "Что это у вас на груди белые большие полосы, как шрамы?" — спросил я. "Да, это шрамы, — отвечал он. — Я резал себя ножом... Поймете ли вы... я любил женщину, но она ме-

ня не любила. Даже любила, но многое мешало ее пониманию меня. Я страдал от невозможности объяснить ей это мешающее. Я страдал, но когда резал себя, страдания уменьшались..." Позже он рассказал, что пишет "Демона", и набросал рисунок своей картины. Я узнал сейчас же лицо знакомой дамы..." Да, это было все то же, фантастически преобразенное лицо Эмилии Львовны...

Позже Врубель рисовал Демона и в иллюстрациях к трехтомнику Лермонтова, которые критик В. Стасов назвал "ужасающими образцами непозволительного и отталкивающего декаданса". Но эти образцы были для Врубеля образами из бездонной глубины неба. Они изводили, мучили его, порой он уничтожал их, заявляя случайным свидетелям: "Все. Кончено!". Но кончено вовсе не было, вплоть до 1902 года, когда за зиму был создан "Демон поверженный", и художник сошел с ума.

Его сумасшествие было не менее странным, чем его реальная жизнь. Оно сочеталось с прогрессирующей слепотой. Известен его последний портрет поэта Валерия Брюсова. Позировать художнику Брюсов приезжал в клинику Усольцева в Петровском парке в Москве. Поэт и художник разговаривали, и Врубель сообщил, что над ним имеет власть дьявол, а власть эта дана дьяволу потому, что художник рисовал в Киеве Христа и Богоматерь, не имея на это благословения свыше. Ему чудились голоса. Он считал, что недавно его приговорил к смертной казни трибунал... Вскоре он ослеп, но рисовать продолжал и делал удивительные рисунки, если не отрывал карандаша от бумаги.

Через несколько лет он умер. Жизнь его как жизнь творца запечатлена в его картинах. Возле них всегда хорошо думается, и уж не одно поколение, всматриваясь в лицо Демона, находит в нем и боль, и отвергнутую страсть, и сожаление, и роковую неотвратимость зримого мира.

От редакции. В конце 2007 года умер постоянный автор нашего альманаха писатель Родион Феденев. По нашей просьбе вдова Р. Феденева Татьяна Анатольевна Остапчук предоставила для этого выпуска один из последних его рассказов.

